

Сюй Сицзин вошёл в комнату собирать чемодан, а Цинь Цзэюань, прислонившись к изголовью, курил. Сюй Сицзин совал вещи в чемодан как попало, потом ткнул пальцем в сторону Чжоу Фаня, который робко стоял в дверях:

— Завтра уезжай с ним обратно. Ты мне тут не нужен, и больше не появляйся, не порти мне настроение. Идите и будьте противны друг другу!

Чжоу Фань не посмел пикнуть, Цинь Цзэюань тоже его игнорировал. Сюй Сицзин разозлился ещё сильнее, выдернул из-под Цинь Цзэюаня подушку:

— Можешь не курить у кровати? Пепел падает на мою маску для сна!

Он потянулся за маской, но Цинь Цзэюань схватил его за запястье. Пепел на кончике сигареты дрожал, готовый вот-вот упасть. Цинь Цзэюань не обратил на это внимания и сказал удивительно мягко:

— Спокойно, куплю новую.

Пальцы Цинь Цзэюаня скользнули по тонкому запястью Сюй Сицзина, и мурашки пробежали по всему телу. Сюй Сицзин не мог пошевелиться, только смотрел, как пепел наконец падает на маску в его руке, прожигая в ткани неровную дырку. Он рванулся, вырываясь:

— Не трогай меня!

Лицо Цинь Цзэюаня мгновенно потемнело.

Сюй Сицзин не стал обращать внимания, дособирал вещи и выкатил чемодан за дверь, хлопнув ей так, что стены задрожали.

Чжоу Фань, видя, что Сюй Сицзин ушёл, а у Цинь Цзэюаня на лице буря, не осмелился войти. Он несмело принёс стакан воды:

— Господин, успокойтесь, не гневайтесь.

Цинь Цзэюань швырнул стакан на пол, переоделся и вышел.

Сюй Сицзин открыл дверь соседнего номера, сел на чемодан, прислонился к косяку и замер. Резкий звонок в дверь едва не сбросил его на пол.

Цинь Цзэюань, сохраняя подчёркнутое спокойствие, сказал за дверью:

— Сяо Цзин, если сейчас не откроешь, потом весь отель будет смотреть, как я попаду внутрь. Подумай.

Сюй Сицзин, конечно, не хотел привлекать внимание, поэтому впустил его. Цинь Цзэюань вошёл с мрачным лицом, расстегнул пуговицы на рубашке и прижал Сюй Сицзина к стене.

В комнате не горел свет, и Сюй Сицзину стало не по себе. Он чувствовал, что на этот раз действительно вывел Цинь Цзэюаня из себя, но в то же время ему было обидно. Цинь Цзэюань притащил сюда своего любовника, чтобы досадить ему, а теперь сам злится. Просто сумасшедший.

Цинь Цзэюань коснулся его лица. Может быть, из-за темноты, но кожа под его пальцами покрывалась мурашками. Цинь Цзэюань прошептал на ухо:

— Почему ты никогда не слушаешься?

Сюй Сицзин хотел что-то сказать, но Цинь Цзэюань закрыл ему рот ладонью, продолжая стаскивать с него одежду:

— Почему ты раз за разом испытываешь моё терпение? Может, я и вправду слишком тебя избаловал.

Он не ждал ответа. В следующую секунду он заткнул Сюй Сицзину рот той самой маской для сна, а затем швырнул его в ванную и включил душ.

— Вымойся, прежде чем выйдешь, — бросил Цинь Цзэюань и ушёл.

Он открыл холодную воду, и мощный поток обрушился на Сюй Сицзина, не давая открыть глаза. Тот долго дрожал, пока не смог выплюнуть маску и на ощупь выключить воду.

Мысль о том, что эта маска лежала на кровати, где возлежали Цинь Цзэюань и Чжоу Фань, а потом побывала у него во рту, вызывала тошноту. Он склонился над унитазом, мучительно давясь пустым воздухом. Весь промокший и дрожащий от холода, он не хотел выходить навстречу новым унижениям, поэтому укутался в три банных полотенца и уселся на крышку унитаза.

Он не выходил, Цинь Цзэюань не заходил. Так они и простояли, пока Сюй Сицзин снова не услышал стук в дверь. Открыл сам Цинь Цзэюань. На пороге стоял Лао Сун.

Лао Сун принёс сценарий, но Цинь Цзэюань отказался:

— Верни. Скажи, что после этого фильма он берёт паузу, никаких новых проектов. И передай Су Каню: съёмки Сюй Сицзина завершены сегодня. Оставшиеся сцены пусть переписывает или снимает с дублёром — как хочет. Сюй Сицзин больше не работает.

Сюй Сицзин остолбенел, выскочил из ванной и набросился на Цинь Цзэюана:

— Что ты делаешь?! Как ты смеешь вмешиваться в мою работу?!

Цинь Цзэюань не удостоил его ответом. Лао Сун попытался сгладить ситуацию:

— Ой, Сюй Сицзин, чем это ты господина так разозлил? Извинись, не упрямясь по-детски.

Сюй Сицзин дрожал от ярости:

— Это я упряплюсь?! Это он мерзости творит! Приволок своего любовника на мою кровать, при нём же ко мне пристаёт! Что, на троих захотел? Мерзок он, а не я! А теперь ещё в работу лезет!

Лао Сун побледнел, будто готов был смять сценарий и заткнуть им Сюй Сицзина. Но Цинь Цзэюань действовал быстрее: он схватил Сюй Сицзина за горло.

Цинь Цзэюань регулярно занимался спортом, и его сила не шла ни в какое сравнение с силой Сюй Сицзина. Тот пытался оторвать его руку, но Цинь Цзэюань даже не дрогнул. Лао Сун хотел вмешаться, но не посмел. Цинь Цзэюань, не глядя на него, бросил:

— Выйди, — и потащил Сюй Сицзина в комнату.

Лао Сун не смел послушаться. Он бросил на Сюй Сицзина взгляд, полный жалости, и нехотя удалился.

Сюй Сицзин чувствовал, как ярость Цинь Цзэюаня вот-вот вырвется наружу. Глядя, как Лао Сун закрывает за собой дверь, он понял, что помощи ждать неоткуда, и сердце его похолодело.

Цинь Цзэюань швырнул его на кровать. Его превосходство в силе было абсолютным, Сюй Сицзин не мог пошевелиться, полностью во власти другого. Цинь Цзэюань раздел его, затем их обоими ремнями связал ему руки и ноги вместе, придав телу унижительную, нелепую позу.

Он лежал на спине, ноги неестественно разведены в стороны. С тех пор, как Сюй Сицзин стал стажёром и готовился к карьере артиста, Цинь Цзэюань больше с ним так не обращался — возможно, потому что синяки и ссадины могли повредить его имиджу. Но теперь Цинь Цзэюань, склонившись над ним, прошипел:

— Я слишком тебя разбаловал, ты совсем забыл, как надо вести себя на кровати. Что ж, сейчас выучишь. Ещё не поздно.

Цинь Цзэюань перевернул его. Сюй Сицзин застыл, как лягушка. И тогда его тело пронзила разрывающая боль.

Цинь Цзэюань вошёл без подготовки, и сразу же хлынула кровь. Но тому было всё равно. Он схватил Сюй Сицзина за волосы, заставив поднять голову, и спросил:

— Я велел тебе вымыться. Почему не послушался? Почему не подготовил себя?

Сюй Сицзина боль уже доводила до потери сознания, но вырывание волос не давало отключиться. Он бессильно свесил голову, что-то бормоча. Цинь Цзэюань наклонился, чтобы расслышать:

— Почему ты не оставишь меня в покое...

Цинь Цзэюань тут же начал двигаться резко и грубо. Кровь служила смазкой, облегчая ему движения, но заставляя Сюй Сицзина издавать раздирающие душу вопли.

Боль была невыносимой. Он изо всех сил пытался вырваться, но ремни впивались в кожу, стирая её с запястий. Эта поза была для Сюй Сицзина пыткой, но Цинь Цзэюаню она позволяла действовать беспрепятственно. Он впился пальцами в его бока, не давая шелохнуться.

Наказание казалось бесконечным. Каждый раз, когда Сюй Сицзин был готов потерять сознание, Цинь Цзэюань находил способ вернуть его к реальности. Всё тело было в синяках, ссадинах и отпечатках пальцев, кровь стекала до лодыжек, вызывая одновременно жалость и ужас.

Ему казалось, будто тело разорвано надвое, и душа тоже разделилась. Одна половина осталась в измученной плоти, продолжая принимать удары, а другая парила под потолком, наблюдая за кровавым соитием внизу.

Сюй Сицзин очнулся. В комнате стоял полумрак, шторы были плотно задёрнуты, и невозможно было понять, день сейчас или ночь. Он всё ещё лежал голый, всё тело болело, будто кости переломали, а потом снова собрали. Вокруг никого не было, да и крикнуть он не мог — не было сил. Он снова провалился в забытё.

Когда он проснулся вновь, шторы были раздвинуты, но за окном царил серый, пасмурный день.

Шёл снег.

Первый снегопад выдался сильным, густые хлопья кружились в воздухе и таяли, едва коснувшись земли. Цинь Цзэюань стоял у окна и смотрел на улицу.

<http://bllate.org/book/16267/1463743>